

С “Молодой Россией” я не теряю оптимизма

“Если бы мне было необходимо выбрать одну программу из всех концертов, которые я имел удовольствие слышать в своей жизни, это, несомненно, был бы концерт Российского симфонического оркестра под руководством Марка ГОРЕНШТЕЙНА. Это был волшебный вечер. Оркестр был великолепен, а дирижер, пожалуй, был лучшим из тех, кого мы когда-либо слышали”, — написал Питер Даррен после концерта “Молодой России” в Англии. Маэстро Марк Горенштейн считает английские гастролы, прошедшие нынешней весной, одними из самых успешных за восьмилетнюю историю оркестра. Время показало, что упрямый и честный до предела в своей профессии дирижер сделал очень многое, воспитав настоящих профессионалов. И несмотря на огромные трудности, сопутствующие жизни российских музыкантов, оркестр Марка Горенштейна держит очень высокую планку. Наш обозреватель встретился с маэстро накануне его 55-летнего юбилея.

— Марк Борисович, ни для кого не секрет, что оркестранты живут сегодня в очень сложных условиях. Как в этой ситуации вам удается держать оркестр в отменной форме и провоцировать его творческий рост?

— Этим оркестром я занимаюсь по 20 часов в сутки уже 8 лет. Все время пытаюсь увлечь своих оркестрантов новыми для них программами, новыми проектами, чтобы музыкантам в творческом плане было интересно. Конечно, я очень требователен, и репетиции у нас проходят иногда весьма непросто. Порой я нервничаю по поводу недостаточной подготовки того или иного музыканта к той или иной репетиции, но приходится себя одергивать. Я не могу требовать от оркестрантов, чтобы они каждую минуту выкладывались на 100 процентов, поскольку их головы с утра до вечера заняты одной мыслью — где взять деньги.

— Но это же нормально!

— Конечно, но факт остается фактом: самая большая проблема в оркестре — зарплата. Те небольшие прибавки, которые с прошлого года нам делает государство, по существу, проблемы не решают. Если уж повышать оклад, то на 300 — 400 процентов, и то это далеко не высшая категория. Честно говоря, я и сам толком не понимаю, как оркестранты сегодня выживают.

— Как, на ваш взгляд, можно было бы изменить ситуацию?

— Если говорить о настоящем прогрессе в области симфонического исполнительства, то он должен быть связан с другими зарплатами и, как ни странно, с безработицей. Когда человек знает, что ему некуда уйти из данного коллектива, потому что на каждое место очередь и конкурс, он иначе относится к своему делу. А когда ему здесь платят 15 копеек и через дорогу столько же, он ничем не дорожит. У дирижера, у директора оркестра сегодня нет фактически ни одного рычага, с помощью которого он мог бы поддерживать дисциплину в оркестре и удерживать музыкантов. Бесконечное количество халтурных коллективов, собирающихся на очень короткое время, не дает возможности работать тем оркестрам, которые серьезно относятся к своему творчеству. Если на работу в оркестре смотреть, как на службу, если бегать целый день по “халтурам”, то можно набрать каких-то денег. И большинство музыкантов именно так и живут, не выкладываясь ни на

одном месте. А без самоотдачи наше дело не может существовать. Мне удается удерживать музыкантов в оркестре далеко не всегда и далеко не всех, но то, что получается, происходит только благодаря нашей общей любви к музыке и профессиональному фанатизму.

— Существует ли сейчас дефицит в плане настоящих оркестрантов-профессионалов?

— Разумеется, да. К примеру, достаточно много хороших музыкантов уехали в посредственные зарубежные оркестры — в Египет, Тайвань, Турцию. Эти коллективы не идут ни в какое сравнение даже с нашими средними оркестрами. Но как можно удержать человека, если там ему платят совсем другие деньги? Какая здесь может быть профессиональная этика и мораль? Людям нечего есть и негде жить. И когда в “Молодой России” случаются ситуации вот такого отъезда, мне нечего возразить, я не могу обижаться на этих людей: они уезжают не от меня, а от ситуации, которая сложилась сегодня в нашем музыкальном искусстве. Огромное количество выпускников московских и немосковских вузов бросают музыку и идут по другой стезе. Мало что сегодня приходит в оркестр. Гораздо выгоднее образовать небольшой коллектив и работать по ресторанам и клубам. Сейчас появилось какое-то немыслимое количество разнообразных трио, квартетов, камерных ансамблей, которые порой не имеют достаточной квалификации, но им гораздо легче выжить, чем большому оркестру. И пока наше правительство не найдет способов поставить всех в равные условия, оркестровая культура будет падать. И может случиться так, что лет через пять мы вообще забудем, как по-настоящему должен звучать большой симфонический оркестр.

— У меня в последнее время складывается ощущение, что наша исполнительская культура становится все менее наполненной эмоционально и духовно.

— На мой взгляд, это не совсем так. У нас по-прежнему есть выдающиеся музыканты-солисты и прекрасные дирижеры. Другое дело, что сильно падает уровень среднего музыканта. Если сравнивать профессиональную планку, которой должен был соответствовать оркестрант, скажем, лет 20 назад, с тем, что происходит сейчас, то контраст будет достаточно сильным. Сегодня совсем иные условия жизни, и люди

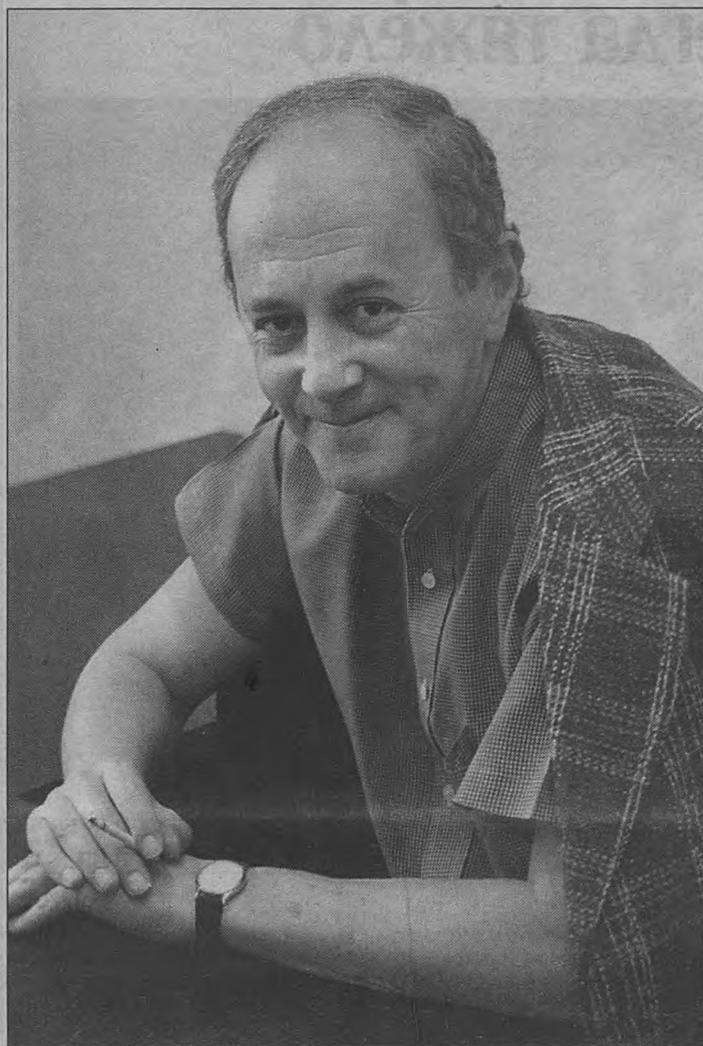

Фото И. КАЛИДИНОЙ

М. Горенштейн

о другом думают. Переживания по поводу ГУЛАГ или репрессии своих родственников — это одно, а мысли о том, что ем не то, что хочу, и ношу не такие ботинки, — все-таки другое. Уровень современной цивилизации провоцирует на жизнь более поверхностную. А ведь для того, чтобы человек научился сопереживать и думать, он должен читать много книг. Наша молодежь не читает вообще ничего. Это тоже создает определенный эмоциональный фон, на котором рождается то или иное искусство. Поэтому общая тенденция поверхностности присутствует и в музыке. Тем не менее личности в музыкальном искусстве все равно рождаются: сейчас, как мне кажется, выросло замечательное поколение молодых пианистов. Страна не завод и не инкубатор. Она не может во все времена производить одинаковое количество великих людей. Их — единицы, не только у нас, но и во всем мире. Еще одна причина, в силу которой наблюдается некоторый упадок профессионального уровня оркестрантов, связан с нашим прошлым. Мы сегодня пожинаем плоды периода советской власти, когда наиболее талантливых выпускников консерватории не брали на руководящие должности. И одаренные люди начали уезжать из страны не вчера. Я уверен, что если Россия выживет, то через какое-то время начнется обратный отсчет. Но ситуация сегодня очень сложная, совсем не такая, как нам представляется на первый взгляд. Не может не беспокоить и тот факт, что среди

молодежи существует довольно большой процент людей, всерьез увлекающихся алкоголем и наркотиками, да и общее беспокойное состояние нашего общества, конечно, наводит на определенные мысли. Все это вместе взятое, скажем прямо, не дает повода для большого оптимизма.

— А есть какие-то процессы, которые вызывают в вас положительные эмоции?

— Как говорится, надежда умирает последней. Я пытаюсь делать все для того, чтобы людям, которые со мной работают, было легче. И мне очень обидно, что годы идут, а ребята мои не живут лучше. Единственный повод для оптимизма — это, конечно, наши концерты. Такую критику, какую мы недавно получили в Англии, я лично никогда ни о ком не читал. И мне это особенно приятно, поскольку такие слова — не просто дань уважения к нашему искусству, но объективная оценка выступления “Молодой России”, а уж больше критика по отношению к своей работе, чем я, трудно найти.

Я беру в оркестр даже тех, кто на сегодняшний день умеет далеко не все, и пытаюсь воспитывать из них музыкантов и личностей. Кто-то уходит даже не потому, что денег мало, а потому, что не выдерживает режима и бесконечного прессинга с моей стороны, поскольку я требую постоянного движения вперед. И так было всегда, со всеми оркестрами, где я работал. Когда у меня закончился контракт с Будапештским симфоническим оркестром, за мной оттуда

ушли многие музыканты. И в другие коллективы их брали без всякого прослушивания, узнав, что до этого они работали у Горенштейна.

— К чему в своей работе вы стремитесь, будучи не только дирижером, но и организатором?

— Если считать основной целью зарубежные гастролы, то мы ее практически достигли, и я уверен, что мы будем ездить все чаще и чаще. Но для меня не это главное. Цель в другом — надо хорошо играть, играть всегда и везде, но в первую очередь — в России. Завоевание места под солнцем — это очень узкий круг путей, и когда это место завоевано, довольно сложно его удержать. А это и есть главное. Я знаю, что число людей, скептически настроенных по отношению к “Молодой России”, за последнее время значительно уменьшилось, я вижу это по нашим концертам. Когда мы начинали, ни моего имени, ни имени оркестра никто не знал, кроме узкого круга специалистов, а сегодня мы практически каждый концерт работаем на аншлагах. Это и внушает оптимизм, ведь оркестр движется вперед, несмотря на трудности. Радует и то, что основная масса музыкантов не покинула коллектив: люди не бросили музыку, и это лично для меня очень важно. Я за последнее время встречался со многими западными агентами, и не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь, прослушав наши диски, а тем более живой концерт, остался равнодушным. И я знаю, что в какой бы город России мы ни приехали, нам будут рады и непременно пригласят еще. Это, в частности, показал фестиваль, который мы провели по российским городам вместе с компанией “Davidoff”.

— Какие у вас планы на этот сезон?

— В городах Подмосковья мы проводим фестиваль симфонической музыки “Музыкальное приношение”, который инициировал и поддерживает губернатор Московской области Борис Громов. Московский сезон мы откроем концертом с Дмитрием Ситковецким. У нас намечено довольно много премьер внутреннего характера: оркестр впервые сыграет Девятую симфонию Малера, Шестую — Шостаковича. Первую — Рахманинова, “Просветленную ночь” Шенберга. Как обычно, в концертах “Молодой России” примут участие наши любимые солисты — это Николай Петров, Виктор Третьяков, Александр Князев, Максим Федотов, Денис Мацуев. Впервые в нашем абонементе в качестве дирижеров будут участвовать Арнольд Кац и Сергей Стадлер.

— Что бы вы сами пожелали себе в день рождения?

— Наш разговор, к сожалению, получился совсем непростым. Но что делать, такая сегодня жизнь. Я пожелал бы и себе, и всем дирижерам, и оркестровым музыкантам, наверное, терпения и выдержки. И я не оставляю надежды на то, что наше правительство все-таки обратит внимание на сложнейшую ситуацию, которая сложилась в симфонических оркестрах страны, и займется наконец их проблемами. А когда проблемы будут решены, то многие наши мечты и устремления станут реальностью.

Беседу вела
Анна ВЕТХОВА